А.Н.Карцев

С чего начинается родина

Ростов Великий - 2025

Оглавление

От автора	**стр.**	**3**
Мама, ты не умрешь?	**стр.**	**9**
Отец	**стр.**	**11**
И хлебом единым…	**стр.**	**16**
На что купить?	**стр.**	**20**
Ах, война...	**стр.**	**22**
Солнце играет	**стр.**	**28**
Построить дом	**стр.**	**30**
На все руки	**стр.**	**33**
Как воспитывали	**стр.**	**36**
Игры	**стр.**	**41**
Школа	**стр.**	**44**
Ура! Будет кино.	**стр.**	**47**
Нести свой крест	**стр.**	**49**
Своя родня	**стр.**	**56**
Посадить сад	**стр.**	**60**
Под маминым крылом	**стр.**	**63**
Деревня	**стр.**	**67**
Фотоальбом	**стр.**	**77**

От автора

Жизнь, она как эстафета, этапы которой переходит от поколения к поколению, и важно знать, не забывать тех, кто передал нам эту незримую «палочку», чтобы достойно её нести и передать дальше.

Всё что мы делаем, является как бы продолжением того, что было с ними, того, что передано нам в этом жизненном марафоне. А мы, в свою очередь, существуем на этом свете, чтобы дать детям, внукам, правнукам возможность следовать неписаным законом мироздания, чтобы жизнь продолжалась.

Перед родителями, как и перед Родиной, мы в вечном неоплаченном долгу. Мы не должны забывать своих предков, свои корни, помнить, кому обязаны появлением на свет, кто нас взрастил, наставил на путь истинный, как говорят в народе: мы не должны быть «Иванами, не помнящими родства».

Карцева Александра Алексеевна

Карцев Николай Иванович

Написанные ниже строки лишь малая толика того, что хотелось осмыслить с высоты прожитых лет, выразить чувство благодарности за всё, что сделано для нас, а также заложить в голову потомков память о тех, кто нам дорог, кому обязаны самой жизнью:

Я сегодня проснулся рано,

Что-то в сердце

как будто кольнуло -

Мне поутру приснилась мама,

она в детство меня вернула.

Снова я очутился в деревне,

В старых стенах родного дома.

От всего так и веет теплом мне,

И кругом все до боли знакомо.

В печке с треском дрова догорают,

Мама ловко картошку чистит.

Её руки везде успевают -

Всё как будто кругом она видит.

На шестке сковородка с лепёшкой,

Кружку мне молока наливает…

Мама, сядь отдохни ты немножко,

Но она всё дела продолжает.

Вот и папа на завтрак пришёл,

У него за колхоз забота -

Он в деревне всех обошёл,

Чтоб наряды дать на работу.

Его ждет много дел в огороде,

И потом снова в поле, в бригаду.

Так с зари до зари он в народе

И за всё трудодень лишь в награду.

Мы взрослели, не зная забот,

Папа с мамой нам всё отдавали,

Они нас берегли от невзгод -

Это мы не всегда понимали.

Вот бы снова увидеть вас,

Всё сказать, что тогда не сумели,

Показать, как живём мы сейчас -

Может так, как вы это хотели.

Мы прощения просим у вас,

Что не очень примерными были.

Вы остались опорой для нас

Вас, любимые, мы не забыли!

Мама, ты не умрешь?

Первые картины детства, которые всплывают в памяти, возвращают те давние времена, когда научился ходить, что-то соображать, говорить. Когда это было? Может в два, может в три года.

…Раннее зимнее утро, топится печь, дрова весело потрескивают, огонь, играя, отрывается от поленьев, наполняя теплом кухню. И все как будто залито невидимыми лучами тепла.

Около печи стоят чугуны разного калибра – от ведра и меньше, наполненные картофелем, свеклой, морковью и еще чем-то, в ожидании постановки в печь. В одних – корм корове, теленку, поросенку, курицам, в других – щи, или каша на всю семью.

Мама чистит картошку, а я пытаюсь ей помочь, или, точнее, отвлекаю от дела. У меня в голове очень серьезный вопрос: «Мама, а ты не умрешь?».

Не помню, что она ответила, скорее всего: «Все там будем». Подобную фразу потом от нее не раз приходилось слышать.

Детский разум не мог представить, что когда-то мамы не будет. Конечно. грустные мысли быстро улетучивались, ведь сколько вокруг интересного, непонятного, притягательного.

С годами все чаще наплывает какое-то неопознанное ощущение тоски, чувство чего-то безвозвратно ушедшего. Память настойчиво возвращает те неповторимые картины детства. Как-то невольно ощущаешь себя ребенком, и не только потому, что ты еще мал, а главное, пожалуй, что живы родители, и ты как-бы под надежным теплым крылом, под защитой. И не надо заботиться о чем-то, тревожиться, переживать – рядом мама, папа, сестры, братья - семья. И ты чувствуешь это, особо не вникая, а скорее – не понимания, как это дорого, надежно и светло.

Родительская забота была во всем, но это считалось само собой разумеющимся. Не думалось, не замечалось. Не обращал внимая на то, что живешь беззаботно, радуешься природе, домашнему теплу, тому, что есть родители, и они вкладывают в тебя свою любовь, свою жизнь.

«Мама, а ты не умрешь?» - почему-то из многих картин детства, именно этот, волнующий меня вопрос, остался навсегда в памяти. В каком бы возрасте ни был, всегда хочется ощущать заботу родителей. С годами все острее начинаешь понимать, что, когда есть мама и папа, это просто счастье, всеобъемлющее, что значат в твоей жизни мать и отец.

Отец

Правильнее называть – папа, это родное, близкое. А отец, на мой взгляд, более всеобъемлющее, широкое. Не случайно слово «Отечество» вмещает в

себя то, что мы связываем с Родиной, семьей, родительским домом.

Папа – это когда рядом, когда можно ощутить тепло его крепких рук, услышать голос. А отец – он есть, он в тебе, но уже где-то там…

Поздно начинаешь понимать, каким он был, что значил для тебя, семьи, для окружающих.

… Вот я с отцом на кузнице. Помощник, или как его называли – молотобоец, качает меха, раздувая пламя на углях. Отец держит в длинных клещах подкову или другую железяку, нагревает в горне до белого каления. Молотобоец ударяет по раскаленному металлу специальным молотом, отец молотком выравнивает нужную форму, потом готовое изделие опускает в воду, охлаждая металл. Чего только ни изготовлялось умелыми руками отца. Кузница тогда была мастерской во всех отношениях. Здесь ремонтировались плуга, сохи, одевали в

железный обруч колеса, крепились металлом телеги, сани.

В кузницу приводят лошадей, чтобы поставить подкову. Интересно было смотреть, как отец уверенно берет ногу лошади, забивая специальными гвоздями подкову. Лошадь подчиняется, терпит. Видимо чувствует твердую руку.

Рядом с кузницей большая яма, в которой готовили уголь для горна. Закладывали бревна метра по три – четыре, поджигали, потом засыпали землёй. Дерево тлело несколько дней без доступа воздуха. Так получался уголь.

Почему-то запомнилась картина «Сталин. Ворошилов. Каганович», висевшая в углу колхозной конторы, которая располагалась в доме у пруда. Отца уговорили стать председателем. Тогда в колхоз входили Караваево, Климатино и Звягино. Было это в конце сороковых, начале пятидесятых годов. У отца был персональный транспорт – он любил ездить в седле на лошади.

Наверное, только в этом состояли его привилегии начальника. Обычно он первым вставал в ряд косцов во время сенокоса, наравне со всеми выполнял любые работы, несмотря на ранения, швы и осколки от снаряда, которые периодически донимали нестерпимой болью.

Еще одна светлая картина детства – мне лет шесть – семь. Теплый осенний вечер, на улице уже стемнело, мы гуляли около дома. И вдруг в окнах вспыхнул яркий свет. Побежали домой, а там непривычно ослепительно сияют электрические лампочки. Потом к дому бежали люди чуть ли не со всей деревни. Дали электричество, это было чудо. Люди радовались, но и упрекали отца, что он провел свет только себе. Но отец им до этого говорил: «Покупайте лампочки». Не верили, что действительно будет электричество в деревне. На следующий вечер вся деревня сияла яркими огнями электрических лампочек.

Как все это удалось отцу сделать – не знаю. Но он сумел решить в районных кабинетах, организовать подвоз и установку столбов, протянуть провода, сделать в каждом доме проводку. И вот – результат.

Правда, электрический рай продолжался недолго. Дело в том, что электроэнергия вырабатывалась на ГЭС, что была построена на реке Сара в районе деревни Огарево. Каждой весной сильный ледоход повреждал плотину, колхозников направляли на спасение станции. Точно не знаю – это ли повлияло, или то, что к консервному заводу подключили электроэнергию государственных сетей для надежного снабжения завода и поселка. Местную ГЭС, видимо не стали восстанавливать, или были другие причины. Но, почему-то деревни отключили, да и отец тогда не стал работать председателем, когда объединили колхозы. Ему было тяжело, раны все больше беспокоили.

Электричество в деревнях подключили лишь в 1964 году.

И хлебом единым…

Чувствовал себя счастливым, когда отец брал меня с собой в Поречье или по другим делам. Смутно помню, как мы ехали с мешками зерна на мельницу, куда-то на реку Сару. Мельница стояла на реке, вода крутила колесо, от которого вращались огромные мельничные жернова. Отец высоко наверх носил мешки с зерном, а потом снизу, в пустые мешки сыпалась мука.

Надо сказать, что часто мололи зерно дома на ручных жерновах (видимо, когда зерна было не много). На большой деревянный пенек с осью накладывали другой, с отверстием посередине и ручкой сбоку. Для лучшего помола на поверхность болванок набивали металлические пластины. Зерно сыпали в отверстие

посередине, крутили болванки и по краям высыпалась мука.

Зерно получали на трудодни, но все зависело от урожая, от хлебозаготовок. На трудодень могли дать больше или меньше, чаще меньше. Обычно зерна дома не хватало. Надо было кормить не только большую семью, но и куриц, хоть немного, но подсыпать в пойло поросенку, теленку, да и корову не плохо бы побаловать. Надеялись на собственный урожай картошки, свеклы, моркови. Обычно половина участка земли засеивалась рожью. Так получали немного своего зерна, да и севооборот неплохой. Снопы с зерном просушивали, потом молотили. Обычно у дома, на лугу снимали дерн, утрамбовывали землю, и на этом маленьком гумне выколачивали зерно из снопов. В более лучшие времена – подстилали большой брезент. Потом зерно не один раз проветривали на ветру. Нам все это было интересно наблюдать.